

**НЕОКАНТИАНСКАЯ
И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ
АКСИОЛОГИЯ
В ФИЛОСОФИИ ПРАВА
Н. Н. АЛЕКСЕЕВА¹**

М. Ю. Загирняк*

Предпринята попытка проанализировать рецензии как аксиологии баденской школы неокантианства, так и феноменологической аксиологии в трактовке понятия и статуса ценности в философии права Н.Н. Алексеева. Определено, какое значение для осмысления сущности права в философии Н.Н. Алексеева имеет достигнутое в баденской школе неокантианства разделение наук на номотетические и идиографические. Доказано, что почерпнутое в философии В. Виндельбанда различие должного и сущего Н.Н. Алексеев использует как удобный методологический прием для осмысления особенности социальных явлений. Рассмотрен контекст философии В. Виндельбанда в толковании Н.Н. Алексеевым роли нормы в философии права.

Выявлено, что Н.Н. Алексеев применяет в своей философии заложенное в теории ценностей деление на априорное и эмпирическое, при этом ценность для него – это основа формирования права и нравственности. Именно противопоставление сфер действительности и ценностей позволяет увидеть, как Н.Н. Алексеев сочетает идеи аксиологии неокантианства и феноменологии. Чтобы преодолеть разрыв априорного и эмпирического в теории ценностей баденского неокантианства Н.Н. Алексеев использует решения феноменологической аксиологии М. Шелера, не перенимая однако ни персоналистскую позицию Шелера, ни его иерархию ценностей.

В зрелый период творчества Н.Н. Алексеев привносит в трактовку ценности религиозный аспект. Религия позиционируется философом в качестве способа связи априорного и эмпирического, ценностей и их воплощений в действительности, а также становится инструментом осмысления ценности как нормы. В итоге определено, что Алексеев в философии права сочетает неокантианские и феноменологические принципы аксиологии с религиозно-философскими разработками.

Ключевые слова: неокантианство, феноменология, аксиология, религия, философия права.

Н.Н. Алексеев – известный представитель русской философии права. Его становление как философа произошло во время интеллектуального доминирова-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Проблема демократии в неокантианской философии русского зарубежья (1920–1950 годы XX века)» №15-33-01315.

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию: 21.11.2015 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2016-1-6

© Загирняк М.Ю., 2016

ния в мировой философской мысли неокантианства и феноменологии и под их воздействием. В 1909 году он отправился на стажировку в Берлинский, Гейдельбергский, Марбургский университеты (см. подробнее об этом: (Дмитриева, 2007, с. 155)), поскольку связывал с ними бурный подъем философского творчества после затишья 80-х и 90-х годов (Дмитриева, 2007, с. 148). Большое влияние на его философию оказали принцип деления наук на *номотетические* и *идиографические*, выдвинутый В. Виндельбандом, и связанное с этим различие должного и сущего. Н.Н. Алексеев в своей первой большой работе подчеркивает значимость выделения методологии *идиографических* наук, использование которой дает возможность глубже исследовать проблему общественного идеала (Алексеев, 1912, с. 261). В последующих работах российского и эмигрантского периодов жизни Н.Н. Алексеев при формировании собственных философско-правовых разработок применял идеи философии культуры баденской школы неокантианства. Еще до эмиграции он как мыслитель, несомненно, находился в русле развития феноменологической традиции в области практической философии (см. об этом: (Поляков, 2006)) и высоко оценивал разработки М. Шелера в сфере аксиологии, считая, что они позволяют преодолеть недостатки теории ценностей баденского неокантианства (Алексеев, 1919б, с. 25).

Возникает вопрос: как именно повлияли аксиологические модели неокантианства и феноменологии на осмысление понятия ценности в философии Н.Н. Алексеева? Принимая во внимание несогласие мыслителя с принципиальными решениями каждой из них, можно говорить об авторской трактовке понятия ценности, включающей в себя как разработки баденского неокантианства, так и феноменологии. Рассмотрим неокантианский и феноменологический контекст в работах Н.Н. Алексеева и, исходя из его позиции в понимании роли ценностей, проанализируем, каким образом мыслитель характеризует особенности права.

В работе «Очерки по общей теории государства» Н.Н. Алексеев обращает внимание на вклад баденской школы неокантианства в преодоление доминанты методологии естествознания как критериев анализа социального бытия, и в частности в исследование философско-правовых проблем: «государственные явления ни в коем случае не представляют собою тех везде и всюду, в пространстве и времени, повторяющихся событий, к каким принадлежит, скажем, факт движения, изучаемый в механике» (Алексеев, 1919б, с. 15). Как отмечает философ, Г. Риккерт и В. Виндельбанд оказали «особое влияние на методологию государственных наук» (Алексеев, 1919б, с. 13). Тем самым он подтверждает позицию, заявленную в работе 1912 года, согласно которой особенность принципов анализа социальных проблем определяется посредством методологии наук, сложившейся в баденской школе неокантианства. «Существо социальных явлений выходит за границы общих категорий механического естествознания. Эти последние настолько общи, что не улавливают специфических особенностей социального бытия» (Алексеев, 1912, с. 259). Н.Н. Алексеев рассматривает значение анализа проблем государства и права с точки зрения как номотетических, так и идиографических наук: «наука узрела *многогранность состава* своего предмета и обусловленное ею *многообразие путей государственного знания*. Отсюда так называемый *методологический плюрализм* критического учения о

методе» (Алексеев, 1919б, с. 20). Таким образом, методологические новшества баденского неокантианства позволили по-новому взглянуть на предмет философии права.

Осмысление и структуризация множества уникальных событий в сфере общества производятся благодаря понятию ценности. В исследованиях проблем философии культуры Н.Н. Алексеев придерживается заложенно-го Р. Лотце (см. об этом: (Шохин, 2006, с. 17–18)) и развитого в аксиологии баденского неокантианства принципа разграничения априорного и эмпирического: к сфере априорного относятся ценности, понимаемые как значимости, тогда как к сфере эмпирического — воплощение ценностей в определенных исторических условиях и обстоятельствах. В аксиологии баденского неокантианства происходит дальнейшее разъяснение данного принципа разграничения и взаимного определения априорного и эмпирического: к сфере априорного принадлежат вечные и неизменные ценности, которые позволяют формировать *оценку* (Риккерт, 1998, с. 22), то есть оценивать события культуры с точки зрения *должного*, а к сфере эмпирического — многочисленные факты действительности, как раз и представляющие собой несовершенные воплощения ценностей. Изучение закономерностей онтологии социального меняется благодаря разграничению сфер *должного* и *сущего*. Именно понятие *должного* позволяет *оценить* культурное развитие — совершенствование в воплощении ценностей.

Н.Н. Алексеев отмечает, что различие *должного* и *сущего* актуализируется благодаря философии В. Виндельбанда. Категория *нормы*, как пишет В. Виндельбанд, указывает, какими должны быть факты, чтобы «заслужить всеобщее признание в качестве истинных, добрых, прекрасных» (Виндельбанд, 1995б, с. 189) и «осуществление которых определяет ценность эмпирического мира» (Виндельбанд, 1995а, с. 51). Трактовка понятия *нормы* В. Виндельбанда, замечает Н.Н. Алексеев, утверждает *должный* порядок вещей, поскольку для *нормы* характерна не *данность*, а *заданность* (Алексеев, 1919б, с. 18). *Должное* позволяет охарактеризовать и оценить факты культуры и таким образом упорядочить, ввести принципы структуризации в сфере уникальных, индивидуальных событий. «То, что обычно называют нормами, есть род подобных суждений ценности, в которых ценное характеризуется как *должное*. Идея *долженствования* и есть один из способов для выражения того, что определенной возможности приписывается особое значение» (Алексеев, 1919а, с. 45).

Говоря о значении различения *сущего* и *должного* в развитии философии права, Н.Н. Алексеев критически относится к нормативной теории права. Под впечатлением от философии Э. Гуссерля он пишет: «каждая нормативная наука в качестве основы своей имеет науку теоретическую, истины которой в их прикладной, практической формулировке мы и называем нормами» (Алексеев, 1918, с. 45). Таким образом, философ не признает *должное* и *сущее* двумя различными онтологическими категориями, а только лишь двумя различными способами формулировки в виде *истины* или *нормы* одного и того же по смыслу выражения. Например, «вместо “не убий” можно сказать “убийство постыдно”» (Алексеев, 1918, с. 45). Однако необходимо заметить, что в дальнейшем мыслитель продолжает использовать деление на *сущее* и *должное* как удобный методологический прием для осмысления особенности социальных явлений. Так, в одной из поздних работ, в комментарии по поводу трактовки закона у Иоанна Златоуста,

Н.Н. Алексеев указывает на ошибку византийского автора: «мы видим типичное для древнего мышления смешение законов природы с моральными нормами, с правилами, предписывающими должное» (Алексеев, 1955, с. 187).

Если в неокантианской модели аксиологии полноту содержания ценностей принципиально невозможно выявить (поскольку логическим следствием станет утрата вневременности), а обнаружить воплощение ценностей можно только в *благах*², то возникает вопрос: каким образом осуществляется связь априорного и эмпирического? Как справедливо пишет Н.А. Дмитриева, между эмпирической и априорной сферой у Г. Риккерта образуется пропасть (Дмитриева, 2013, с. 143). С точки зрения Н.Н. Алексеева, в кантианстве и неокантианстве этот вопрос сформулирован так: «как наполнить “содержанием” “формальный” закон Канта»? (Алексеев, 1930, с. 17). Необходимо отметить, что Н.Н. Алексеев негативно характеризует категорический императив как *нравственно пустой закон* (Алексеев, 1930, с. 16), так как из-за формальности ему не хватает *нравственной очевидности* (Алексеев, 1930, с. 15) в определении добра и зла. Создание неокантианцами аксиологической модели, в которой культурная ценность представляет собой «нравственный закон, абсолютный по форме, но с изменчивым историческим содержанием» (Алексеев, 1930, с. 18), не решает проблемы обоснования взаимосвязи априорного и эмпирического, а только фиксирует их особенности.

В связи с указанным недостатком Н.Н. Алексеев отмечает методологическое достижение феноменологической мысли, покоящейся «на некоторой присущей нашему разуму способности умственного созерцания всеобщих истин, на интеллектуальной интуиции, как называли такую способность философы» (Алексеев, 1919б, с. 25). Причем, признавая значение феноменологического учения в развитии европейской философии, Н.Н. Алексеев считает, что Э. Гуссерль близок к классическому немецкому идеализму, поскольку выявление чистых сущностей зависит от особенностей восприятия субъекта (Алексеев, 1934, с. 27). Преодолеть же эту путаницу в решении проблемы сознания, по мнению Н.Н. Алексеева, удастся благодаря феноменологии М. Шелера (Алексеев, 1934, с. 27).

В феноменологической аксиологии М. Шелер, как пишет Б.В. Марков, «применил понятие априорности в сфере эмоционального сознания и разработал “материальную” этику ценностей» (Марков, 2013, с. 312). Вместо рационального принципа неокантианства М. Шелер предлагает *ordo amoris* – «познание субординации всего, что в вещах может быть *достойным любви*, сообразно внутренней, присущей ему ценности» (Шелер, 1994а, с. 341), то есть предпочтение одних ценностей другим как следование *ordo amoris*. Ценностные оценки и предпочтения составляют *этос* (Шелер 1994а, с. 341), в соответствии с которым индивид выстраивает собственное мировоззрение. Однако для М. Шелера характерен этический персонализм, бытие личности – это историческая самоценность. Сквозь призму ценности личности он рассматривает особенности социальных институтов государства, церкви и др. Как замечает С.В. Васильева по поводу учения М. Шелера, «в

² «Иные объекты обладают ценностью или, говоря точнее, в иных объектах обнаруживаются ценности. <...> Поэтому мы будем называть такие с ценностью связанные реальные или действительные объекты “благами”, чтобы отличать их таким образом от обнаруживающихся в них ценностей» (Риккерт, 1998, с. 22).

мировом процессе нет вечных форм бытия, нет ни абсолютных идейных констант, ни абсолютных принципов» (Васильева, 2011, с. 33). Процесс развития культуры можно оценивать только потому, что существует неизменная иерархия ценностей (Шелер, 1994б, с. 328), и к ней посредством *ordo amoris* обращается личность.

Несмотря на признание значимости феноменологического подхода для определения механизма взаимодействия априорного и эмпирического, Н.Н. Алексеев не принимает важнейшие решения М. Шелера в аксиологии. Учение Н.Н. Алексеева включает трактовку общественных феноменов, которые, исходя из осмысления *общения* как такового, «нельзя понимать как простое, механическое сложение личностей» (Алексеев, 1918, с. 88). Н.Н. Алексеев рассматривает объективное право как независимый от психики объект, «обладающий своим собственным, отнюдь не душевным содержанием. Содержание любой правовой нормы или любого закона по своему предметному составу ни в малой степени не зависит от того, что я об этом составе думаю, как его переживаю, чувствую, оцениваю и т. п.» (Алексеев, 1918, с. 72).

Кроме того, в доэмигрантский период творчества Н.Н. Алексеев ставит себе задачу: «Современный философ права заново должен решить вопрос, что такое коллективное бытие людей и что такое та общественная связь, функцией которой является, по учению исторической школы, всякое право и всякий правопорядок» (Алексеев, 1918, с. 89). И уже в эмигрантский период творчества он решает эту задачу в работе «Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи», когда формирует понятие *ведущего слоя*. «Ведущий слой как носитель идеалов данного общества не только им управляет, но является идейным и фактическим представителем той культуры, к которой данное общество принадлежит. Он выражает определенную стадию в развитии этой культуры, “дает тон” эпохе. Такова была роль земельной аристократии, дворянства, буржуазии в развитии европейских обществ», — пишет философ (Алексеев, 1998в, с. 488). «Ведущий слой, как мы говорили, является носителем идеалов данного общества, идейным представителем той культуры, к которой это общество принадлежит» (Алексеев, 1998в, с. 589), ведущий слой воплощает интересы целого (Алексеев, 1998в, с. 590).

Исходя из понятия ведущего слоя, можно выявить, что Н.Н. Алексеев понимает право как воплощение ценностей в определенных исторических условиях и обстоятельствах, а совершенствование права возможно благодаря априорным идеалам. В осмыслении сущности права он приходит к выводу, что в основе любой правовой системы лежат теоретические истины, которые человечество усваивает на уровне аксиом, воплощая в конкретных исторических условиях и обстоятельствах в свой общественный порядок (Алексеев, 1918, с. 46). Причем эти истины обладают *значимостью*, не зависящей от условий действительности (Алексеев, 1918, с. 74), то есть для обоснования сути права Н.Н. Алексеев продолжает использовать решение теории ценностей, разграничивая априорное и эмпирическое. С его точки зрения, человек не сам определяет ценностные предпочтения в неизменной иерархии ценностей, как это утверждается в феноменологии М. Шелера, но с учетом влияния «исторически возникших институтов и форм жизни» (Алексеев, 1998в, с. 585) в культуре выстраивается трактовка ценностей, включающая их иерархию. Для философии права Н.Н. Алексеева характерно понимание, что ценности представляют собой основу куль-

туры, и они обыкновенно *не осознаются* носителями данной культуры (Алексеев, 1998в, с. 148). Это соответствует идеям философии культуры Г. Риккерта: философия ценностей должна преодолеть *плохой субъективизм*, который не может выйти за пределы «единичного индивидуального субъекта и всей полноты его личных оценок» (Риккерт, 1998, с. 27). Поэтому Н. Н. Алексеев делает такой вывод: «вопрос о правовом идеале есть один из вопросов мирозерцания — вопрос в вышеозначенном смысле метафизический, а не феноменологический» (Алексеев, 1999, с. 41).

Ценность — это основа формирования права и нравственности в философии Н. Н. Алексеева. Данный идеологический каркас используется мыслителем при трактовке вневременной идеи права, или *постоянной родовой сущности* (Алексеев, 1919б, с. 24) государства. Идея справедливости в философии права Н. Н. Алексеева выступает в качестве *основной правовой ценности*. Она воплощается в *исторической индивидуальности* (Алексеев, 1918, с. 167), в формировании и охране определенного правопорядка. Это именно *идея права вообще* (Алексеев, 1918, с. 17), содержание которой невозможно раскрыть во всей полноте, так как нельзя «исчерпать всего эмпирического материала, доставляемого историей, тем более, что течение времени еще не кончилось, история еще не прекратилась и будущее одарит нас новыми правовыми образованиями, новыми институтами и источниками» (Алексеев, 1918, с. 15). Значит, в праве содержится *вечный и неизменный элемент* (Алексеев, 1918, с. 165), идея права, а его *несовершенной материализацией* и является положительное право (Алексеев, 1918, с. 159). Позиция Н. Н. Алексеева по поводу статуса ценности в формировании права ближе к философии баденского неокантианства, чем к этическому персонализму феноменологии М. Шелера.

Каким же образом осуществляется взаимодействие априорного и эмпирического в философии Н. Н. Алексеева? Мыслитель указывает на особый статус религии в осмыслении ценностей и их последующем воплощении в действительности. Религия — одна из высших ценностей, на которых строится общественная жизнь (Алексеев, 1998б, с. 283).

Область права и нравственности — это для Н. Н. Алексеева сфера *ценностных идей* (Алексеев, 1930, с. 22), а обнаружить указание на них позволяет религия. Она же способствует совершенствованию этих идей при их воплощении в определенных условиях культуры. Философ характеризует религию как «совокупность представлений о “святом”, “высшем” и “ценном”, необходимо связанную с определенной системой поведения...» (Алексеев, 1930, с. 8). С точки зрения Н. Н. Алексеева, религия и нравственность во все времена связаны между собой (Алексеев, 1930, с. 13). В истории европейского мира исключения составляют только два периода: Античность и Просвещение. Но и это объяснимо тем обстоятельством, что «стремление построить нравственность вне всякой религии очень часто совпадало с фактическим изменением основных религиозных представлений и с потребностью построить нравственность на новых религиозных началах» (Алексеев, 1930, с. 13). Таким образом, религия позиционируется мыслителем как необходимый инструмент для взаимодействия сфер априорного и эмпирического, так как в основе любой религии лежит идея *святого и ценного* (Алексеев, 1930, с. 8), которая воплощается в определенных исторических условиях культуры.

Религия становится инструментом осмысления ценности как нормы. Божественная мудрость воспринимается индивидом как неоспоримая, высшая инстанция в решении проблемы легитимации права. Норма права приобретает безусловную обязательность, безотносительность к условиям и обстоятельствам применения. Н.Н. Алексеев пишет о значении религии в формировании права и государства вообще, подтверждая это примерами влияния определенной религии (христианство) в определенном культурном пространстве (Западная Европа). Связь права и христианства приводит, по мнению философа, к пониманию идеи естественного права как божественного закона, установленного божественной мудростью [Алексеев, 1919а, с. 12], и, соответственно, к развитию и укреплению теории естественного права и формированию множества связанных с ней политико-правовых идей: «учение о неотчуждаемых правах личности, учение о связности государства правом, о верховенстве государственной власти, о разделении властей, устройстве федеративного государства и т. д.» (Алексеев, 1919а, с.13). С точки зрения Н.Н. Алексеева, религия – это фундамент нравственности [Алексеев, 1930, с. 22]³.

Именно религия позволяет связать разделенные в неокантианской философии непреодолимой пропастью сферы априорного и эмпирического.

* * *

Если тематизировать принципы философии Н.Н. Алексеева, то аксиологические модели баденского неокантианства и феноменологии задают в ней методологический каркас – ключевую область для идентификации позиции мыслителя в характеристике понятий и решении вопросов философии права. Н.Н. Алексеев сохраняет в качестве основы философии права заложенную в теории ценностей и развитую в баденской школе неокантианства трактовку априорного и эмпирического. Аксиологический принцип выявления и структуризации существенных культурно-исторических моментов производится благодаря их соотносению с категорией *должного*. Излишнюю рационализацию теории ценностей баденского неокантианства удается преодолеть с помощью феноменологии М. Шелера. При этом Н.Н. Алексеев использует только методологические принципы выявления указания на ценности в аксиологической модели М. Шелера, продолжая использовать в собственной философии решения баденских неокантианцев.

Принцип тематизации социальной действительности посредством ценностей становится основой философии права Н.Н. Алексеева. Однако он не принимает полностью ни неокантианский, ни феноменологический способы обоснования взаимосвязи априорного и эмпирического и в зрелый период своего философского творчества предпочитает религию в качестве инструмента для связи ценностей и действительности. Таким образом, заданное в теории ценностей различие априорного и эмпирического продолжает играть важную роль в философии права Н.Н. Алексеева и сочетается с его религиозно-философскими разработками.

³ Данная позиция оставляет нерешенным ряд вопросов, на которые обращает внимание Б.В. Назмутдинов: «Что обосновывает сами ценности? Автор не давал исчерпывающего ответа. В случае России он говорил о христианской религии, но как обосновывать ценности в контексте светского государства? Чем объяснить ценностные различия культур, исповедующих одну и ту же религию?» (Назмутдинов, 2013, с. 172).

Список литературы

1. *Алексеев Н.Н.* Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов: очерки по истории и методологии общественных наук. М., 1912.
2. *Алексеев Н.Н.* Введение в изучение права. М., 1918.
3. *Алексеев Н.Н.* Общее учение о праве. Курс лекций, прочитанных в Таврическом Университете в 1918/19 году. Симферополь, 1919а.
4. *Алексеев Н.Н.* Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. М., 1919б.
5. *Алексеев Н.Н.* Религия, право и нравственность. Р., 1930.
6. *Алексеев Н.Н.* Об идее философии и ее общественной миссии // Путь. 1934. №44. Париж, С. 27–43.
7. *Алексеев Н.Н.* Идея государства: Очерки по истории политической мысли. Нью-Йорк, 1955.
8. *Алексеев Н.Н.* Духовные предпосылки евразийской культуры // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998а. С. 142–154.
9. *Алексеев Н.Н.* На путях к будущей России // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998б. С. 282–371.
10. *Алексеев Н.Н.* Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998в. С. 386–624.
11. *Алексеев Н.Н.* Основы философии права. СПб., 1999.
12. *Васильева С.В.* Феноменологическая теория познания М. Шелера – созерцание сущности // Философская антропология Макса Шелера: уроки, критика, перспективы. СПб., 2011. С. 27–42.
13. *Виндельбанд В.* Что такое философия? (О понятии и истории философии) // Виндельбанд В. Избранное: Дух и История. М., 1995а. С. 22–58.
14. *Виндельбанд В.* Нормы и законы природы // Виндельбанд В. Избранное: Дух и История. М., 1995б. С. 184–208.
15. *Дмитриева Н.А.* Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М., 2007.
16. *Дмитриева Н.А.* Понятие «априори» в немецком и русском неокантианстве // Многообразие априори: матер. междунар. конф. на философском факультете РГГУ 19–20 апреля 2012 г. / под ред. А.Н. Круглова. М., 2013. С. 129–147.
17. *Марков Б.В.* Априори повседневности // Многообразие априори: матер. междунар. конф. на философском факультете РГГУ 19–20 апреля 2012 г. / под ред. А.Н. Круглова. М., 2013. С. 300–323.
18. *Назмутдинов Б.В.* Политико-правовые воззрения евразийцев в российском государствоведении XX века: учеб. пособие. М., 2013.
19. *Поляков А.В.* Феноменологическая теория права Н.Н. Алексеева // Поляков А.В. Российский правовой дискурс и идея коммуникации. С. 27–38. URL: <http://window.edu.ru/resource/545/24545/files/1135700.pdf> (дата обращения: 09.08.2015).
20. *Риккерт Г.* О понятии философии // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 13–42.
21. *Шелер М.* Ordo amoris // Шелер М. Избранные произведения. М., 1994а. С. 339–377.
22. *Шелер М.* Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранные произведения. М., 1994б. С. 259–337.
23. *Шохин В.К.* Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М., 2006.

Об авторе

Михаил Юрьевич Загирняк — канд. филос. наук, ст. преп. Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, MZagirnyak@kantiana.ru

NEO-KANTIAN AND PHENOMENOLOGICAL AXIOLOGY
IN N. N. ALEKSEEV'S PHILOSOPHY OF LAW

M. Zagirnyak

This paper analyzes receptions of phenomenological and neo-Kantian axiology trends in the interpretation of the concept and status of value in N. N. Alekseev's philosophy of law. The author identifies the role of Neo-Kantian nomothetic – idiographic division of sciences proposed by the Southwest German school of Neo-Kantianism in interpreting the essence of law within Aleseev's philosophy. It is shown that Alekseev uses Windelband's distinction between the due and the existing as a convenient methodological technique for understanding features of social phenomena. The article considers the context of Windelband's philosophy in Alekseev's interpretation of the role of the rule in philosophy of law.

It is shown that Alekseev employs the distinction between the a priori and empirical, suggested by the theory of values, in his philosophy. Values are identified as a basis for the development of law and morals in Alekseev's philosophy. Comparing reality and values makes it possible to see how Alekseev combines the ideas of axiology of Neo-Kantianism and phenomenology. To narrow the gap between the a priori and empirical in the theory of values proposed by the Southern German school of Neo-Kantianism, Alekseev uses the solutions proposed by M. Scheler's phenomenological axiology. It is stressed that Alekseev does not adopt either M. Scheler's personalistic approach or his hierarchy of values.

In his mature period, Alekseev supplements his interpretation of values with the religious aspect. He understands religion as a means to link the a priori and empirical and translate both into reality. It is emphasized that religion becomes a tool for understanding values as rules. It is concluded that Alekseev's philosophy of law combines Neo-Kantian and phenomenological principles with religious aspects.

Key words: Neo-Kantianism, phenomenology, axiology, religion, philosophy of law.

References

1. Alexeev, N. N., 1912, *Nauki obshhestvennye i estestvennye v istoricheskom vzaimootnoshenii ih metodov: ocherki po istorii i metodologii obshhestvennykh nauk* [Social and natural sciences in the historic relationship between their methods: essays on the history and methodology of the social sciences], Moscow, 272 p.
2. Alexeev, N. N., 1918, *Vvedenie v izuchenie prava* [Introduction to the study of law], Moscow, 188 p.
3. Alexeev, N. N., 1919^a, *Obshhee uchenie o prave. Kurs lekcij, pročitannykh v Tavricheskom Universitete v 1918–19 godu.* [The general theory of law. The course of lectures in Tavrichesky University in 1918–19.], Simferopol, 162 p.
4. Alexeev, N. N., 1919^b, *Ocherki po obshhej teorii gosudarstva. Osnovnye predposylki i gipotezy gosudarstvennoj nauki* [Essays on the general theory of the state. Basic assumptions and hypotheses of the state of science]. Moscow, 209 p.
5. Alexeev, N. N., 1930, *Religija, pravo i нравственность* [Religion, law, and morality], Paris, 106 p.
6. Alexeev, N. N., 1934, *Ob idee filosofii i ejo obshhestvennoj missii* [About the intention of philosophy and its social mission] // *Put' = Voie = [The way]*, no. 44 (June-September 1934) – Paris: Izdanie Religiozno-Filosofskoi Akademii, P. 27–43.
7. Alexeev, N. N., 1955, *Ideja gosudarstva: Ocherki po istorii politicheskoy mysli* [The idea of the State: Essays on the history of political thought] New York, 412 p.
8. Alexeev, N. N., 1998^a, *Duhovnye predposylki evrazijskoj kul'tury* [Spiritual preconditions of Eurasian culture] // Alexeev, N. N., *Russkii narod i gosudarstvo* [Russian nation and the state], Moscow, P. 142–154.
9. Alexeev, N. N., 1998^b, *Na putiakh k budushchei Rossii* [On the way to the future Russia] // Alexeev, N. N., *Russkii narod i gosudarstvo* [Russian nation and the state], Moscow, P. 282–371.

10. Alexeev, N.N., 1998^a, *Sovremennoe polozhenie nauki o gosudarstve i ee blizhajshie zadachi* [The current situation and immediate objectives of the science of the state] // Alexeev, N.N., *Russkii narod i gosudarstvo* [Russian nation and the state], Moscow, P. 386–624.
11. Alexeev, N.N., 1999, *Osnovy filosofii prava* [The base of the philosophy of law]. Saint Petersburg, 256 p.
12. Vasil'eva, S.V., 2011, *Fenomenologicheskaja teorija poznanija M. Shelera – sozerchanie sushhnosti* [The phenomenological theory of cognition of M. Scheler – contemplation of the the essence] // *Filosofskaja antropologija Maksa Shelera: uroki, kritika, perspektivy* [Philosophical anthropology of Max Scheler: tasks, critique, perspectives], Saint Petersburg, P. 27–42.
13. Windelband, W., 1995^a, *Chto takoe filosofija? (O ponjatii i istorii filosofii)* [What is philosophy? (On the concept and the history of philosophy)] // Windelband, W., *Izbrannoe: Duh i Istorija* [Selected: Spirit & History], Moscow, P. 22–58.
14. Windelband, W., 1995^b, *Normy i zakony prirody* [Norms and laws of nature] // Windelband, W., *Izbrannoe: Duh i Istorija* [Selected: Spirit & History], Moscow, P. 184–208.
15. Dmitrieva, N.A., 2007, *Russkoje neokantianstvo: "Marburg" v Rossii. Istoriko-filosofskie ocherki* [Russian Neo-Kantianism: "Marburg" in Russia. Historical and philosophical essays], Moscow, 512 p.
16. Dmitrieva, N.A., 2013, *Ponjatje «apriori» v nemeckom i ruskom neokantianstve* [The concept of "a priori" in the German and Russian Neo-Kantianism] // *Mnogoobrazie apriori. Materialy mezhdunarodnoj konferencii na filosofskom fakul'tete RGGU19–20 aprelja 2012 g. Pod red. A.N. Kruglova* [The variety of a priori. Materials of the International Conference on the Philosophy Faculty of Russian State University for the Humanities, 19–20 April 2012. Ed. by A.N. Kruglov], Moscow, P. 129–147.
17. Markov, B.V., 2013, *Apriori povsednevnosti* [A priori of everyday life] // *Mnogoobrazie apriori. Materialy mezhdunarodnoj konferencii na filosofskom fakul'tete RGGU 19–20 aprelja 2012 g. Pod red. A.N. Kruglova* [The variety of a priori. Materials of the International Conference on the Philosophy Faculty of Russian State University for the Humanities, 19–20 April 2012. Ed. by A.N. Kruglov], Moscow, P. 300–323.
18. Nazmutdinov, B.V., 2013, *Politiko-pravovye vozrenija evrazijcev v rossijskom gosudarstvovedenii XX veka: uchebnoe posobie* [Political and legal views of Eurasians in Russian political science of XX century: Textbook], Moscow, 247 p.
19. Polyakov, A.V., *Fenomenologicheskaja teorija prava N.N. Alekseeva* // Polyakov, A.V., *Rossijskij pravovoj diskurs i ideja kommunikacii* [The phenomenological theory of law of N. Alexeev // Polyakov, A.V., *The Russian legal discourse and the idea of communication*] available at: <http://window.edu.ru/resource/545/24545/files/1135700.pdf> P. 27–38. (accessed 09 August 2015)
20. Rickert, H., 1998, *O ponjatii filosofii* [About the concept of philosophy] // Rickert, H., *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [The science of nature and science of culture], Moscow, P. 13–42.
21. Sche1er, M., 1994^a, *Ordo amoris* // Sche1er, M., *Izbrannye proizvedenija* [Selected works], Moscow, P. 339–377.
22. Sche1er, M., 1994^b, *Formalizm v jetike i material'naja jetika cennostej* [Formalism in Ethics and Non-Formal Ethics of Values] // Sche1er, M., *Izbrannye proizvedenija* [Selected works], Moscow, P. 259–337.
23. Shokhin, V.K., 2006, *Filosofija cennostej i rannjaja aksiologicheskaja mysl'* [Philosophy of values and early axiological ideas], Moscow, 457 p.

About the author

Dr Mikhail Zagirnyak, Assistant Professor, Department of Philosophy, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad. MZagirnyak@kantiana.ru